

Воспоминания ленинградской девчонки.

В течение почти года я каждую ночь заталкиваю себя в эту постель все глубже и глубже. Я выравниваю дыхание и начинаю жалеть себя, тебя и всех, кто меня сейчас окружает. Я чувствую сердцебиение сестры и матери, которые лежат с двух сторон от меня, я слышу тяжелое дыхание бабушки, спящей на соседней кровати вместе с двумя соседскими девчонками, Лизой и Олей, у которых погибли родители при очередном обстреле.

Я просыпаюсь, когда несколько тонн Неба падает на меня. В этот момент я ненавижу весь мир, хотя, засыпая, молилась о том, чтобы остаться живой до утра и проснуться. Мне хочется плакать и опять жалеть себя, тебя и всех, кто меня окружает.

С утра я уже не чувствую сердцебиения, не слышу дыхания, лишь голоса с кухни. На кухне я вижу только Лизу с Олей и свою сестру Аню. Моя мама работает во Всесоюзном институте растениеводства. Мама еще до войны рассказывала, что у них огромный семенной фонд. Рассказывала, какие исследования они проводят и какие запасы зерна у них есть. И мне всегда это было интересно. Почему-то сейчас она ничего не рассказывает об этом. Но иногда я слышу, как они с бабушкой ругаются по этому поводу. Бабушка не хочет, чтобы мы голодали, и просит маму принести пару зернышек из их фонда, чтобы накормить нас. Но мама же ученый, она не соглашается с бабушкой. Как-то раз, недели три назад, во время их очередной ссоры я крикнула, что мама права, и наука важнее, чем пара людских жизней. Бабушка не разговаривала с мамой после этого очень долго и всё твердила, что моя мама растит такую же помешанную, как и она.

Вот бабушка, в отличие от мамы, иногда таскает нам еду. Она работает в зоопарке и иногда приносит нам немного овощей. Но это случается очень редко. Зато почти каждый день мы ходим к ней на работу и смотрим на животных. Лизке с Олей все это было очень интересно, а я привыкла к постоянному пребыванию в зоопарке, потому что с пеленок бабушка брала меня с собой на работу. Больше всех животных в зоопарке я любила

бегемотиху Красавицу. Но ей пришлось очень нелегко. Водопровод зимой не работал, а она должна находиться постоянно в воде. Из-за отключения водопровода подавать воду в ее бассейн не могли, и каждый день бабушкина подруга Евдокия Ивановна привозила на саночках огромную бочку с водой, мы поливали Красавицу и смазывали трещинки в коже камфорной мазью. Не так давно ее кожа начала восстанавливаться.

Родители Оли и Лизы - ученые, они работали в каком-то университете. Их обвинили в антисоветской, контрреволюционной, изменнической деятельности. На одном из первых судебных процессов проведенных Военным трибуналом и НКВД их приговорили к смертной казни. Моя бабушка смогла забрать девочек из квартиры раньше, чем пришли очень страшные люди за ними. Они просто решили, что девочки давно погибли, и больше не искали их.

Есть хотелось постоянно. Того хлеба, что нам давали, катастрофически не хватало. Но к чувству постоянного голода я уже давно привыкла и не обращала внимания на это. Сегодня было на удивление спокойное утро, что меня очень настораживало. Спокойное утро было только тогда, когда немцы готовились к очередной долгой бомбежке. Я решила сходить в библиотеку, пока все было тихо.

Ближе к обеду немцы начали бомбить. И я была права насчет спокойного утра. Они бомбили весь день с небольшими перерывами. Мы сидели вчетвером дома, и молились о том, чтобы бомба не попала в нас.

Бомбежка не прекращалась и ночью. Мама и бабушка были уже дома, а они все бомбили и бомбили. В очередной раз мы ложились спать под звуки разрывающихся бомб и крики людей. В очередной раз я заталкивала себя в эту постель. Сегодня мы легли спать пораньше, ведь надо было идти на службу. Мы с бабушкой и мамой всегда ходили на пасхальную заутреню до войны, и девочки уговорили их сводить нас и сегодня.

Сквозь сон я слышала нарастающие звуки самолетов и голос Ани. Она говорила, что мне надо просыпаться, ведь служба уже скоро начинается. Мама будила Лизу с Олей, спавших на соседней кровати.

Перебежками мы добрались от развалин нашего дома до Никольского собора. Сегодняшний обстрел был самым жестоким за последние недели. Так думала не только я. Все, кто шел вместе с нами на заутреню, обсуждали именно это. В соборе я увидела свою одноклассницу Таньку. Она смотрела на меня одним своим голубым глазом, и в нем чувствовалась жалость. Жалость ко мне. И ко всем, кто стоял рядом с нами.

На заутрени священник освящал «куличи». Это было до слёз трогательно. Шли женщины с ломтиками чёрного хлеба и свечами, батюшка окроплял их святой водой. Мы тоже взяли из дома кусок черствого хлеба, который берегли специально для этого уже больше двух недель.

Я злилась, потому что вспоминала свою прошлую жизнь. И отца, который погиб из-за немцев. Звуки бомбардировщиков злили меня еще больше. Но я терпела. Я не плакала. Не плакали и Лизка с Олей. Ради мамы. Бабушки. И Ани. Они чувствовали себя виноватыми, когда кто-то из нас троих плакал.

К концу заутрени бомбежка прекратилась. Но я была уверена, что это ненадолго. Мы решили спокойно пойти домой, а не бежать сломя голову. Когда еще мы сможем насладиться спокойным утром? Возможно, что никогда. Около соседнего дома я слышала какой-то писк. Он был тихим протяжным. Кто-то хотел, чтобы его слышали. Но у этого кого-то не было голоса, чтобы крикнуть достаточно громко. Это был котенок, который сидел спиной к миру. Наверное, непонятно сказано. Он сидел в коробке, которая стояла боком, и смотрел на ее дно. В этот момент вся моя злость улетучилась. Я поняла, что есть существа более беззащитные, чем я, более одинокие, чем я. Есть те, кто заслуживает жизни больше, чем я. Я решила взять его с собой, не обращая внимания на все протесты бабушки, заключающиеся в том, что нам нечем будет кормить его. Но я смогу что-нибудь придумать.

Бомбежка продолжалась. Мы уже не ложились спать. Мама с бабушкой ушли на работу, Аня с Лизой решили сходить за водой, а мы с Олей остались дома. Лизка прибежала минут через двадцать после их с Анькой ухода. Она была вся заплаканная, ее всю трясло. Она начала что-то кричать про Аню и судорожно жестикулировать. Я поняла, что что-то не так. Пробежав две улицы вслед за ней, я поняла, в чем дело. Аня лежала рядом развалинами дома и истекала кровью. Но она была еще жива. Все было очень просто и ужасно одновременно: бомба упала где-то на соседней улице, и люди сломя голову побежали по улице в другую от упавшей бомбы сторону и просто снесли Аню с ног. Она просто неудачно упала на штырь, торчавший из балки.

Аня умерла у меня на руках через пару минут от потери крови. Я еще долго сидела в таком положении и в какой-то момент почувствовала, что ее тело холодеет. Я просто не знала, что делать. Слезы текли из глаз, а руки судорожно обнимали ее.

Из нас пятерых выжили лишь мы с Лизой. Бабушка умерла через пару дней после Ани. Она не могла смириться с потерей любимой внучки, и у нее просто не выдержало сердце. Оля умерла во время очередного обстрела летом того же года. Мама - от голода, так как отдавала всю еду мне и Лизе.

Мы с Лизой все живем в новом доме, построенном на месте нашего старого дома, уже в своих квартирах. Мы всегда говорим, что мы сестры. Только немногие знают о том, что мы не связаны родственными узами. Мы связаны событиями прошлого. Нашего. Ужасного. Прошлого. И эти узы во много раз крепче, чем родственные.